ДЕЖУРНЫЙ БОГ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Алексей Корнелюк

18+

Поиск себя

Алексей Корнелюк

Дежурный Бог

«Автор»

2026

Корнелюк А.

Дежурный Бог / А. Корнелюк — «Автор», 2026 — (Поиск себя)

В этой больнице люди ждут врача. А приходит Бог.Семён — обычный ночной санитар. Он возит каталки, приносит воду, чинит заедающие двери и появляется именно там, где человек уже не может врать себе. В палатах, коридорах, у автомата с горьким кофе и возле дверей реанимации он встречает тех, кто думал, что ждёт диагноза, операции, выписки или смерти. Но на самом деле каждый из них ждёт другого: прощения, смелости, любви, ответа, почему жизнь прошла мимо, пока они всё время были заняты.Павел Сомов, уставший врач, давно перестал видеть в пациентах людей. Для него они стали историями болезни, анализами и койками. Но одна ночная смена меняет всё: Семён начинает водить его по палатам, где чужая боль вдруг оказывается слишком похожей на его собственную. «Дежурный Бог» — тёплый, болезненный и светлый роман о людях, которые оказались на краю не для того, чтобы умереть, а чтобы наконец проснуться.

© Корнелюк А., 2026
© Автор, 2026

Алексей Корнелюк
Дежурный Бог

Дежурный Бог

Старик умер в четыре семнадцать утра из-за того, что Павел Сомов решил: «Утром». Не по медицинским документам, конечно. По медицинским документам старик умер от острой сердечной недостаточности на фоне общего износа организма, возраста, давления, сахара, плохих сосудов, дешёвой колбасы, которую он ел последние сорок лет, и той особой русской привычки не ходить к врачу, пока внутри не начнёт отваливаться что-то важное. По документам всё было красиво, кругло и безопасно. Организм отказал. Сердце не выдержало. Давление упало. Реанимационные мероприятия результата не дали. Время смерти — 04:17. Подпись врача — П. А. Сомов. Человеческая версия была короче и грязнее: старик три раза попросил позвонить дочери, а Павел три раза сказал ему подождать до утра.

В ту ночь больница пахла мокрой шерстью, хлоркой и чужим страхом. На улице шёл мартовский дождь, такой мелкий и занудный, будто кто-то наверху не плакал, а просто плохо закрыл кран. В приёмном покое орали двое пьяных, одна женщина в пуховике цвета тухлой сирени требовала кардиолога для мужа, потому что «он не такой, как все, у него бизнес», ребёнок с температурой лежал на руках у отца и смотрел в потолок с выражением старика, который уже понял, что взрослые — это люди, умеющие громко волноваться и плохо помогать. В коридоре у автомата с кофе сидел охранник Борисыч и ел бутерброд с варёной колбасой так, будто уничтожал улику. Автомат внутри хрипел, мигал красной лампочкой и выдавал напиток, который на стаканчике назывался «капучино», а в реальности был горячей водой, пережившей плохой развод с молоком.

Павел Сомов шёл по коридору быстрым врачебным шагом человека, который давно научился не смотреть по сторонам. В больнице это было полезное умение. Посмотришь — и всё, ты уже не врач, ты свидетель. А свидетелем быть тяжелее. Врачу можно подписать карту, назначить капельницу, сказать «наблюдаем», «ждём анализы», «динамика отрицательная» и спрятаться за язык, который придумали специально, чтобы живые люди звучали как неисправные приборы. Свидетель видит тапки под кроватью, седой волос на подушке, скомканную записку в кармане халата, руку старухи, которая гладит простыню так, будто это лицо мужа. Павел свидетельствовать устал. Он свидетельствовал пятнадцать лет, а потом однажды обнаружил, что внутри него, где раньше что-то дёргалось, болело и сопротивлялось, теперь стоит белый шкаф с папками.

Ему было сорок один, но в зеркале ординаторской он выглядел как человек, которого забыли выключить после длинного дежурства. Лицо серое, под глазами тени, щетина росла с оскорбительной скоростью, будто единственная живая часть организма решила захватить власть. Волосы на висках тронула седина. Шея болела от вечного наклона над историями болезни. Спина ныла. В груди иногда появлялось неприятное ощущение, похожее не на боль, а на маленькую злую рыбку, которая билась внутри и искала выход. Павел знал, что надо бы провериться. Павел знал, что надо бы спать. Павел знал, что надо бы меньше кофе, меньше злости, меньше этой привычки отвечать людям так, будто они мешают ему делать важную работу, хотя важной работой были именно они. Павел много чего знал. Знание вообще ничего не меняет, если человек использует его как мебель.

Старик лежал в шестой палате у окна. Фамилия у него была Селиванов, имя — Григорий Матвеевич, возраст — восемьдесят два, диагноз — длинный, как очередь в регистратуру, характер — скверный, но не по-настоящему злой. Он был из тех стариков, которые разговаривают с врачами как с сантехниками: подозрительно, сердито и с убеждением, что те обязательно либо обманут, либо недокрутят. На тумбочке у него стояла стеклянная банка с водой, лежал пакетик сушек, маленькая иконка Николая Чудотворца и кнопочный телефон, обмотан-

ный изолентой. Телефон выглядел так, будто пережил Советский Союз, девяностые, две пенсионные реформы и падение с табуретки, но всё ещё работал из упрямства.

— Доктор, — позвал старик, когда Павел проходил мимо палаты. Голос у него был сухой, бумажный. Так шуршат старые квитанции в ящике, которые никто не выбрасывает, потому что вдруг пригодятся. — Доктор, зайдите на минутку.

Павел уже сделал вид, что не услышал. Это тоже было врачебное умение: не услышать ровно настолько, чтобы потом самому себе поверить. Но старик позвал снова, и сосед по палате, толстый мужчина с забинтованной ногой, высунул голову из-под одеяла и сказал:

— Палыч, отстаньте вы от человека. Видите, носится. У них тут людей больше, чем тараканов в общаге.

— Я не Палыч, — сказал старик. — Я Матвеич.

— Да какая уже разница, — буркнул сосед. — Тут все через неделю становятся или Палычами, или Николаевнами.

Павел остановился у двери. Он не вошёл сразу, постоял на пороге, как человек, который надеется, что проблема сама передумает быть проблемой.

— Что у вас?

Селиванов лежал полусидя, подложив под спину две подушки. На лице у него были старческие пятна, сухие губы и глаза, странно живые для такого изношенного тела. Глаза всегда подводили врача. По телу уже всё понятно: слабость, отёки, одышка, плохая кардиограмма, кислород рядом. А глаза вдруг смотрят так, будто человек ещё не согласился быть диагнозом.

— Дочке позвонить надо.

Павел посмотрел на телефон.

— Звоните.

— Не получается. Кнопки мелкие. Номер сбился. Вы мне наберите, я поговорю.

— Сейчас ночь.

— Я знаю, что ночь. Я не совсем дурак.

— Значит, утром позвоните.

Старик сжал губы. На секунду стал похож на школьника, которого несправедливо отчитали при всём классе, но он решил не плакать, потому что мальчики не плачут, а старики тем более.

— Мне надо сейчас.

Павел устало провёл рукой по лицу. Где-то в конце коридора опять закричала женщина в сиреневом пуховике. В ординаторской ждали карты. В приёмном покое привезли кого-то с подозрением на инсульт. У интерна дрожали руки после первой тяжёлой смены, и он уже дважды перепутал дозировку, слава богу, на бумаге. На телефоне у Павла висело сообщение от Ольги, бывшей жены: «Ты завтра заберёшь вещи или мне их вынести к консьержу?» Он не ответил. Он вообще в последнее время многое не отвечал. Жизнь превратилась в коридор, где все двери открывались одновременно, а он шёл посередине и делал вид, что умеет выбирать.

— Григорий Матвеевич, — сказал Павел тем мягким голосом, которым врачи говорят, когда внутри уже раздражены. — Сейчас половина второго ночи. Дочь спит. Вы её разбудите, она перепугается, приедет сюда, устроит панику. Утром спокойно позвоните.

— Она не спит.

— Почему?

— Она когда тревожится, не спит.

Павел усмехнулся, не зло, но слишком коротко.

— Ну так не тревожьте её.

Старик посмотрел на него внимательно. Не обиженно даже. Удивлённо. Как будто Павел сказал что-то не грубое, а просто невозможное, как если бы врач вдруг предложил больному оставить сердце на тумбочке и сходить без него в туалет.

— Вы молодой ещё, — сказал он.

Павел не выдержал и почти рассмеялся.

— Спасибо. Мне сегодня как раз не хватало комплиментов.

— Молодой, — повторил старик. — Поэтому думаете, что утро всегда будет.

Вот это Павлу не понравилось. Не сама фраза, а то, что она встала между ними и не собиралась уходить. В больнице вообще было слишком много фраз, которые произносили случайные люди в старых пижамах, а потом они жили в голове дольше, чем результаты анализов. Павел не любил такие фразы. Они мешали работать.

— Утром, Григорий Матвеевич.

— Доктор.

— Утром.

Он вышел из палаты и почувствовал раздражение. Не ярость, не злость, а мелкую липкую раздражённость, как когда к подошве прилипает жвачка. Старик, конечно, был прав по-своему. Все они были правы по-своему. Одному надо сейчас позвонить дочери. Другому сейчас обезболивающее. Третьему сейчас объяснить, почему операцию переносят. Четвёртому сейчас доказать, что он не умрёт, хотя доказательств нет. У каждого своё «сейчас». А у врача это «сейчас» превращается в кашу, в шум, в белую больничную метель, где уже не видно отдельных снежинок. Павел шёл по коридору и думал о том, что если воспринимать каждую просьбу как последнюю, то можно сойти с ума за одну смену. А если не воспринимать — можно продержаться пятнадцать лет. Так он и продержался. Не блестяще, не героически, без фанфар. Просто держался, как старый больничный шкаф держит на себе кипы ненужных журналов.

У лифта стоял новый санитар.

Павел сначала заметил не лицо, а обувь. Странная обувь для санитара: старые тёмные ботинки, начищенные плохо, но упрямо. Халат на нём сидел чужим образом, будто его выдали не человеку, а старому шкафу, который внезапно устроился работать. Под халатом виднелся растянутый серый свитер. Мужчине было лет шестьдесят, может, больше, может, меньше — с такими лицами возраст не угадывается, потому что они выглядят не старыми, а бывшими во многих местах. Волосы седые, жёсткие, зачёсаны назад пальцами. Нос крупный. Щёки впалые. Глаза светлые, насмешливые и усталые так, будто их владелец видел не только эту больницу, но и все предыдущие попытки человечества построить что-нибудь приличное.

Он держал в руках ведро и швабру. Стоял у лифта и смотрел на Павла с таким спокойствием, как будто ждал именно его, а не грузовой лифт.

— Вы кто? — спросил Павел.

— Семён.

— Я не имя спрашиваю. Вы откуда?

— С третьего этажа спустился.

— Я спрашиваю, кто вас сюда поставил?

— Жизнь, — сказал санитар. — Но если вам для отчёта, то Анна Викторовна. Заведующая. Сказала: «Семён, иди мой полы, пока все тут не утонули в собственной важности». Хорошая женщина. Кричит, правда, как архангел на ставке полторы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.